

**Дмитрий Сергеевич Лихачев и
Владимир Тихонович Раков.
История дружбы.**

Владимир Тихонович Раков (1906-1969) родился в Петербурге в зажиточной семье. Владимир был третьим ребенком – самым младшим. Юность Ракова пришлась на бурные революционные годы.

В середине 1920-х он поступил в Институт гражданских инженеров (будущий ЛИСИ). Тогда молодёжь не представляла, в каком государстве им предстоит жить, поэтому нередко были кружки «по интересам» - художественным, философским и др. За участие в подобном кружке под названием «Космическая академия наук» Ракова вместе с его друзьями (а среди них был Д. С. Лихачёв) отправили в 1928 году на пять лет в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Об этом периоде его жизни более подробно написано ниже благодаря воспоминаниям Лихачёва, ибо сам Раков их не оставил. В 1932 году Раков с семьей приезжает в Петрозаводск, преподаёт в строительном техникуме, работает в «Карелгорсельстрое» главным инженером. С этой организацией связана его работа во время войны на оборонных объектах. С освобождением столицы Карелии он возвращается в Петрозаводск.

Раков Владимир Тихонович

Раков рисовал с детства. Он интересовался историей, культурой, бытом многих народов. Эти знания в дальнейшем емугодились в работе над альбомами. Из-за своей биографии он не смог войти в круг профессиональных художников, т.е. не был членом СХ, не участвовал в официальных выставках. А может быть, не хотел, потому что изобразительное искусство той поры было политизировано, находилось под контролем органов, от которых Владимир Тихонович в своё время и пострадал. Он нашёл свою оригинальную форму самовыражения – дружеский альбомный рисунок, где полностью был свободен, где раскрылся как художник-лирик, философ, юморист.

Рисунки акварельные, в туши и карандаше, одиночные и сериями создавались им ко дню рождения близких и друзей. После войны Раков сделал более 20 альбомов (известных по крайней мере), включавших около 500 работ. Часть альбомных сюжетов создано им на стихи Дениса Давыдова, Лермонтова, Блока. Некоторые альбомы Раков рисовал для детей. В 1938 году ему удалось оформить, изданные в Ленинграде две книги: «Телефон» Корнея Чуковского и «Сказки бабушки Арины». Кстати последние вышли на финском языке. В Петрозаводске он сотрудничал с газетой для детей «Юный ленинец» и журналом «На рубеже».

В Петрозаводске у Владимира Тихоновича был свой круг людей, которым он доверял и которых ценил. Им-то он и посвящал и дарил своё творчество. Это архитекторы Ростислав Корнев и Николай Куспак, преподаватели музыки Цицилия Кофьян и Любовь Малафеева, работники культуры Ираида Мальцева, Сократ Арутюнов, Ольга Граф и некоторые другие.

Ленинград. Школьные и студенческие годы

Лихачев Д.С.

Дружба В. Т. Ракова с Д. С. Лихачевым началась в Ленинграде, где они оба родились, где оба учились в одном классе в школе Лентовской. Школа образовалась после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральный антрепренер Лентовская. В школе были уникальные преподаватели, которые учили детей самостоятельно мыслить, глядеть на вещи и явления шире, «воспитывали вкус, добрые чувства к народу, интеллектуальную терпимость». Двухнедельная поездка всем классом по Русскому Северу, предпринятая однажды во время каникул, сыграла, по словам Лихачёва, огромную роль в формировании представлений о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы. С детства, как Раков, так и Лихачев, любили рисовать. Раков делал наброски зверей в зоопарке, военной одежды и оружия в музеях, а Лихачев упражнялся в карикатурах на учителей. И это не только не возбранялось, но и поощрялось самими учителями.

Особую роль в жизни Ракова и Лихачева сыграл учитель словесности Леонид Владимирович Георг. В каждом из учеников он умел открыть интересные стороны – интересные и для самого ученика и для окружающих.

После школы, в 1923 году Владимир Раков поступил в институт гражданских инженеров, Дмитрий Лихачев – в университет. Но связи друг с другом они не теряли.

В дореволюционные времена, а частично еще и до середины 1920-х годов, во всех учебных заведениях существовало множество литературных, философских, философско-религиозных, краеведческих и прочих кружков, собиравшихся в помещениях школ, институтов, университета или, если позволяли квартирные условия, то и у преподавателей. По воспоминаниям Лихачёва, на Церковной улице (теперь улица Блохина) в мансарде, на пятом этаже дома №12 каждую среду собирався кружок Ивана Михайловича Андреевского, носивший полусерьезное название «Хельфернак», то есть «Художественно-литературно-философско-религиозно-научная академия». Туда приходили и школьники, и студенты, и профессора университета. Вместе с Лихачевым и Раковым кружок, где заслушивались доклады и велись дискуссии на разные темы, посещали (вплоть до его закрытия в 1925 году) и их знакомые Федор Розенберг и Аркадий Селиванов. После «Хельфернака» некоторое время они были членами объединения «Братство Святого Серафима Саровского».

Космическая Академия Наук.

В 1926 году Федор Розенберг предложил своим семерым друзьям (Владимиру Розенбергу (брату), Владимиру Ракову, Аркадию Селиванову, Андрею Миханькову, Петру Машкову, Николаю Сперанскому, Анатолию Тереховко) организовать шуточный кружок КАН. В 1927 году к ним присоединился Дмитрий Лихачев, которого пригласил Раков. Каждый член кружка получал «кафедру», соответствующую его интересам и подготовленному докладу. Лихачёв вспоминает: «Володя Раков занимал кафедру апологетического богословия (он был глубоко верующим человеком). Толя Тереховко занимал кафедру изящной психологии, а

Петр Машков – кафедру изящной химии... Я сделал доклад об утраченных преимуществах старой орфографии и получил кафедру старой орфографии... Федя Розенберг занял в КАН «скромное» место секретаря византийского государства, хранителя хартий – «хартифилакса»... Он был великим мистификатором, создателем нашей второй жизни в Космической Академии – с гимном, гербами, тросточками, штрипками на брюках, совместными прогулками, культом пушкинского Лицея. Один из наших «конференц-залов» и помещался на Лицейской улице, а обещать друг другу вечную дружбу мы ходили на Парнас в Александровском парке в Царском Селе (там жили Розенберги), где у нас был на самой вершине заветный пенёк столетнего дуба... КАН была своего рода маскарадным действием. Нами был провозглашен принцип «веселой науки» - науки, которая не только ищет истину, но истину радостную и облеченную в веселые формы... ибо «невеселая» наука делает окружающую нас Вселенную скучной и серой. Таково учение марксизма...»

Создавалась эта «другая жизнь» ими всеми и еще одним способом... Раков хорошо рисовал и владел акварелью. При этом он отлично знал формы русской армии начала 19 века, а также быт и костюмы той же эпохи. Он изображал людей в различных ситуациях начала 19 века. Сочинял даже целые истории. Если история была большой, он делал целый альбом и дарил его по какому-либо случаю главному герою рисованной истории. По словам Лихачёва, женские роли исполняли то участница кружка Андреевского Валя Морозова, то сестра Толи Тереховко. Незнакомые в эту «рисованную» жизнь не допускались. У каждого из прототипов рисунков было свое амплуа. Петя Машков обычно изображался гусарским полковником, Валя Морозова – девочкой, играющей в серсо, крокет, прыгающей через веревочку или гонящей палочкой обруч. Лихачёв в рисунках всегда был в штатском, иногда с «двойным лорнетом». Дмитрий Сергеевич вспоминает: «Мы ждали появления рисованных историй с нетерпением и дружно смеялись, особенно если в них находили намеки на ситуацию, в которую попадали в реальной жизни. Один из таких альбомов, в которых все мы жили второй жизнью, у меня сохранился. После нашего освобождения Володя Раков продолжал создавать в Петрозаводске свои альбомы».

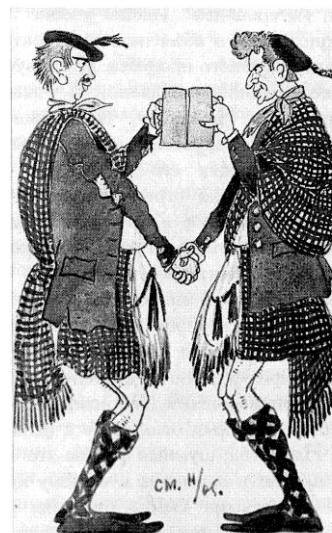

Рисунок В. Ракова

Арест, тюрьма, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН)

Кружок КАН несомненно был на учете. В это время органы стали ликвидировать подобные организации. Дошла очередь и до «космистов». Последней каплей стала телеграмма якобы от Папы Римского, отправленная Раковым из Царского Села, где он в это время жил, Федору Розенбергу с поздравлением к годовщине «академии».

Восьмого февраля 1928 года КАНовцев арестовали и поместили в камеру ДПЗ на пятом этаже – в Доме предварительного заключения на Шпалерной. Следствие вел А. Р. Стромин, организатор всех процессов против интеллигенции конца 20-х – начала 30-х гг. Лихачёв вспоминает: «Нас, различных кружковцев, объединили в одно дело (многие из нас не были даже знакомы друг с другом), а через девять месяцев из нас «родили» однодельцев и по статье 58 пункт 11 отправили на Соловки со сроками пять и три года». Раков и Лихачев получили по пять лет. При отъезде из ДПЗ все обещали хранить заповеди КАНа... а заповедь заключалась в том, чтобы «всегда сохранять чувство юмора и по возможности превращать

жизнь в игру». Через две недели после вынесения приговора Раков, Лихачев и другие были отправлены с Николаевского (Московского) вокзала в «столыпинском» вагоне до Кеми. Приехали на место через три дня. В Кемперпункте (Попов остров) всех заключенных осмотрели врачи и поделили на категории. Лихачеву (возможно и Ракову) дали 2-ю группу – работы сравнительно легкие. До острова их доставили вместе с другими заключенными, среди которых были и уголовники, в трюме парохода «Глеб Бокий». Над главными воротами Кремля, из которых выводили на работу, был лозунг: «Через труд – к освобождению». Как в Освенциме.

Заклученные за работой

Первое время Раков, Лихачев и другие находились в «карантинной» 13 роте. Последняя размещалась в кремле, в Троицком соборе. На трехэтажных нарах размещалось более 1800 человек. Уборная находилась в алтаре. По словам Лихачёва, «прямо над алтарем, там, где раньше был написан образ Христа, теперь красовалось изображение Ленина, под которым было выведено славянскими буквами: «Мы новый путь земле укажем, владыкой мира будет труд!» В 1928 году на Соловках насчитывалось около 33 тысяч заключенных, к зиме 1931-32 гг. – около 60 тысяч.

Заклученные из 13 роты работали на общих работах, она считалась «дном» лагеря. Все, кто мог, старались ее скорее покинуть. Через какое-то время Лихачев благодаря содействию А.Н.Колосова – бывшего царского прокурора, был принят в криминологический кабинет (социологические исследования) и стал жить в 3-й роте, на личном топчане у окна. Владимира Ракова и Федора Розенберга перевели в 12-ю роту общих работ. Рота помещалась в келарской Успенского собора. Питались они «хлебовом» из вонючей трески из общего котла. Раков и Розенберг работали на сельхозработах. А до этого «кановцы» работали в лесу (прокладывалась ветка до Филимонова), таскали кирпичи в лисьем питомнике, вывозили снег, мусор, свиной навоз. На Соловках «космисты» старались поддерживать друг друга – делились едой, поддерживали морально. Однажды, когда Лихачев заболел сыпным тифом, Раков и Розенберг вовремя перетащили его в лазарет, где работал «одноделец» И.М.Андреевский. Благодаря совместным усилиям Лихачев выжил. Когда «кановцы» освоились в лагере, они посещали библиотеку, завели разнообразные знакомства, благо интересных людей, даже выдающихся на Соловках было достаточно. Возможно Раков участвовал в оформлении спектаклей лагерного театра; в газете «Новые Соловки» за 1929 год есть иллюстрации к статьям, похожие по стилю на рисунки Ракова. Знаменитая чайка, изображенная на обложке журнала «Соловецкие острова», очень похожа на чайку из рисованных им позже альбомов.

ББК. Освобождение

В 1931 году на материке в Медвежьей горе было сформировано Управление нового лагеря – Бел Балт Лага – для строительства Беломоро-Балтийского канала. С острова была вывезена узкоколейная дорога со шпалами и подвижным составом, типография, стали перевозить рабсилу - в первую очередь краткосрочников и «колхозников». Из «академиков» туда послали В. Ракова, Д. Лихачева, Ф. Розенберга и других. Розенберг, устроившись на хорошей должности счетовода, чем мог, помогал друзьям. Одно время Лихачев и Раков ходили к нему в барак обедать, причем, как правило, Раков готовил еду. Чуть пообвыкнув и, получив пропуска, друзья даже ходили в пивную. Владимир Раков устроился по специальности в проектное бюро и, скорей всего, не бедствовал, как основная масса заключенных. Там он познакомился со своей первой женой – Марией Федоровной Антиох-Вербицкой. Она была представительницей старинного дворянского рода, родственницей известного украинского писателя и педагога – соавтора гимна «Ще не мерла Украина». В 1928 году вместе с однокурсниками Киевского художественного института после политического семинара она была арестована, осуждена и выслана на север. В проектное бюро Мария Федоровна работала чертежником-художником. В 1931 году в Медвежьегорске был зарегистрирован их брак. Через год там же родилась их дочь Татьяна.

Дмитрий Лихачев также не попал на общие работы. Какое-то время он занимался составлением словаря блатного языка по заданию лагерного начальства, а потом, благодаря содействию «однодельца» Д. Каллистова, устроился диспетчером на ж-д узле Званка, а позже в Тихвине. Оттуда он и был освобожден как ударник, до срока - в начале августа 1932 года.

Примерно в это же время был освобожден и Раков. В 1933 году с семьей он перебрался в Петрозаводск, ибо в Ленинграде ему не у кого было прописаться. Послелагерная часть жизни у Владимира Тихоновича связана с Петрозаводском. Но своих ленинградских друзей он никогда не забывал. Восьмого февраля они старались встретиться, чтобы отметить день «посадки», перезванивались, переписывались. С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым у Владимира Ракова до конца жизни оставались добрые дружеские отношения. В архиве академика Лихачева хранятся письма и рисунки Ракова.